

Эпициклы сознания

Птолемеем

*32% жителей России согласны с утверждением
"Солнце вращается вокруг Земли".*

*(официальный отчет ВЦИОМ
по результатам опроса за 2011 г.)*

Эволюция знаний человека о себе самом и об окружающем мире всю свою историю испытывает сопротивление со стороны рудиментов здравого смысла. Несмотря на охват новых горизонтов, наши представления в значительной степени продолжают оставаться в плену у бытовых стереотипов, единственное достоинство которых состоит в простоте реагирования и экономии мыслительных процессов. Обратной стороной этого подхода является неадекватность и предвзятость выстраиваемых на его семантике представлений о человеке и окружающем его мире. Конечно, критерии объективности и адекватности вообще мало применимы к таким моделям — в первую очередь потому, что их требования не входят в перечень решаемых задач. Внутри парадигмы приспособления, охватывающей не только физические действия, но и акты мышления, мы легко и быстро получаем описания всех феноменов, которые встречаются в нашей жизни. Эти описания звучат как объяснения, хотя в строгом смысле таковыми не являются, так как практически никогда не стремятся быть объединенными в единую логическую систему. Благодаря этим описательным и обозначающим механизмам мы сформировали солидный багаж представлений, большая часть которого определяет наше восприятие самих себя и природы в целом. Именно им мы обязаны физиологизму нашей установки в познании природы и себя самих, всей трясине суеверий, пестрому букету псевдонаук типа астрологии, многочисленным религиозным концепциям и бездонному болоту фолк-психологии. Другими словами — тем самым институтам и механизмам, которые порождены задачей приспособления к нашим ежедневным потребностям и призваны сглаживать стрессы, возникающие под давлением повседневных проблем. Одной из самых значительных среди них и в то же время наиболее включенной в жизнь каждого из нас является "Я" — как слово, как ощущение, как концепция и как целая система отношений.

Каждый из нас, по сотни раз за день употребляющий слова "Я", "личность" и их производные, хотя бы раз в жизни задумывался о смысле этих терминов и многих других, обозначающих ядро его собственной самости. Интерес к ним естественен для любого психически здорового человека, воспитанного в современном обществе. Однако несмотря на то что никто не получает исчерпывающего ответа не только на вопрос "кто Я?", но и на вопросы "как мое Я возникло?" и "когда ему наступит конец?", каждый из нас твердо убежден в безусловности существования этой своей внутренней самости, высоко ценит ее и ради нее готов на многое (если не на все). При этом институт "Я" не ограничивается индивидуальной метафизикой, вся наша культура подразумевает безусловное

признание обладания каждым из нас уникальной сущностью, тем, что делает именно человека (и никого другого!) членом нашего общества. Можно сказать, что наше ощущение самих себя и отношение к окружающему миру выстраиваются по законам "Я"-парадигмы, принципы которой утверждают четкое разделение мира на "меня", содержащего особое качество, некую "самость", и на объекты окружения, подобных качеств лишенные. Также в этой схеме присутствуют "подобные мне", за которыми признается тождественная собственной "Я"-начинка. Подобная система структурирования мира была сформирована в ходе эволюции человека, пытающегося приспособиться к многообразию внешних и внутренних впечатлений — телесных ощущений, эмоций, воспоминаний, мыслей и т.п. Объяснения этим феноменам, созданные человеком в процессе привыкания к ним, позволили ему более или менее комфортно выживать и даже эволюционировать в определенной среде, характеристиками которой являлись не только материальные ресурсы, доступные для удовлетворения его физиологических потребностей, но также и культурные и интеллектуальные — требующиеся для реализации тех задач, которые человек успевал ставить перед собой. Или которые ставились перед ним извне.

Известно, что проблема качественного содержания "Я" и поиски ответов на вопрос "Что же такое личность/душа?" на протяжении всей истории человеческой мысли поднимались неоднократно, однако значительного влияния на фундамент "Я"-парадигмы это не оказывало. Для того, чтобы поколебать его основание, не достаточно появления плодотворных идей, тех или иных убедительных публикаций или сколь-нибудь авторитетных свидетельств в пользу новой системы. Как убедительно показал историк науки Томас Кун в "Структуре научных революций", готовность сообщества к пониманию и принятию тех или иных научных теорий и концепций зависит от множества психологических и социальных факторов, недооценивать которые нельзя — тем более, когда речь идет, как в нашем случае, о таком предмете, как наша внутренняя самость. И все же мы должны помнить, что мировоззренческие системы, в которых представление о "Я" возникло и распространилось на все сферы нашей жизни, крайне далеки от требований объективности, а значит, мы всегда должны быть готовы пересмотреть их, если хотим не просто приспособиваться к своим ощущениям, но и управлять самими собой — а это возможно лишь в результате понимания того, что скрывается за столь любимыми нами личными местоимениями.

В главном фокусе данной работы окажутся такие понятия, как "Я", "самость", "self", "личность", "persona" и все прочие из того смыслового ряда, который референсирует наиболее важный для каждого из нас объект — нас самих. Мы попробуем выйти за пределы парадигмы приспособления, в которой чувствуем себя комфортно не благодаря тому, что она отвечает на вопросы, возникающие у пытливого ума, а потому, что услужливо предлагает устраивающие нас иллюзии их решения. Именно благодаря этим иллюзиям мы не замечаем тавтологичности оборотов "*Я себе дорог*", "*важность моего Ego*" и им подобных, благодаря им мы несем бремя многочисленных неврозов, наивных и несбыточных надежд, поклоняемся манипулирующим нами идеям и людям, эксплуатирующими их. Этот материал вряд ли будет интересен человеку, который предпочитает не ставить под сомнение "общеизвестные" и "привычные" положения, крайне негативно он будет воспринят теми, кто бездумно повторяет антропоцентрическую мантру "*человек — венец творения природы*". Но тот, кто хочет и может посмотреть на себя со стороны, тот, кто способен поставить под сомнение само понятие "себя", найдет почву для размышлений и, возможно, окажется готовым к отказу от эго-сформированной модели восприятия мира, в которой центр внимания и главные ценности формулируются с употреблением

слов "личность" и "Я". Мы увидим, как эта модель, наспех слеplенная на ранних стадиях нашего развития, отразилась на всей нашей жизни, какие последствия на нашу деятельность оказала и продолжает оказывать эта уютная и эмоционально выгодная схема описания воспринимаемых нами феноменов внешнего и внутреннего мира.

Здесь пора объяснить заголовок работы. Между "Я"-моделью психики и геоцентрической моделью мироздания, хорошо известной как птолемеяевская система мира, есть несколько параллелей, главными из которых для нас являются две:

1) обе системы описания помещают описываемого в центр мироздания (основная черта);

2) обе системы построены не столько по законам объективных критериев научного знания, сколько под давлением общественных догм, установок и стереотипов мышления, принятых в социуме и эмоционально тепло окрашенных для самого индивидуума (вспомогательная черта).

Альтернатива птолемеяевской схемы — гелиоцентрическая система — не раз пыталась пробиться на свет как до, так и после самого Птолемея. Задолго до Коперника Аристарх Самосский смог доказать, что центром Космоса является не Земля, а Солнце. Но и он не был первым, до него гелиоцентрические взгляды высказывали пифагорейцы Филолай и Экфант, ученик Аристотеля Гикет Сиракузский и другие. Тем не менее, их революционные попытки были обречены на провал — научное знание не было готово к принятию столь смелых утверждений, они были просто не востребованы в доминирующей на тот момент парадигме и чужды ей (Кун приводит массу аналогичных случаев в развитии современной науки). Точно так же и представления о безусловном наличии внутри нас некоей сущности "Я" долгое время являлись незыблемой догмой, практически не подвергаясь серьезному сомнению. Хотя единичные случаи наблюдались на всем протяжении эволюции философской мысли (практически с самого начала становления такой науки как психология), однако серьезное внимание на них стали обращать лишь в последнее время, с появлением первых серьезных работ по происхождению и развитию речи, с появлением когнитивной психологии и — не в последнюю очередь — с формулировки проблемы искусственного интеллекта, как задачи создания аналогов тех феноменов и того функционала, которые до сих пор считались исключительной прерогативой Homo Sapiens. Я постараюсь продемонстрировать, что параллели между "Я"-основанной концепцией и птолемеяевской системой мира взаимосвязаны и могут быть сведены к одной общей причине, активно проявляющейся, когда мы действуем и думаем в терминах парадигмы приспособления.

Несмотря на то, что развитие когнитивной психологии и философии сознания значительно пошатнуло позиции "Я"-идеи, в современном представлении о внутреннем мире человека (и по сути, о человеке как таковом) до сих пор царит докеплеровская эпоха птолемеяевских эпициклов. Подобно геоцентрической картине мира, где в центре мироздания находится Земля, а далее следуют Солнце, Луна и остальные небесные тела, наше сознание основывается на ощущении некоей внутренней сущности, определяемой каждым из нас как *"моё Я"* (если читатель хотя бы раз за свою жизнь задумывался над этим оборотом, он сейчас наверняка усмехнется от самого этого определения, и ниже я обязательно уделю этому внимание). Эта сущность выступает мерилем всех наших отношений с окружающим миром, служит основой для формирования системы ценностей, на периферии которой упорядочиваются круги контактов человека и доступные ему контексты обитания. В зависимости от вариации социально-культурных условий мы называем этот центр координат "Я", "душой", "персоной", "самостью", "личностью" и аналогичными терминами из родственного смыслового ряда, добавляя к каждому из них такое определение данной сущности, которое требуется для его привязки к

доминирующей идеологии. Благодаря характеру своего ощущения, невычленимому из нашего взаимодействия с окружающим миром и с самими собой, эта сущность обрела статус аподиктической данности, незыблемого факта, исключаящего какие-либо сомнения в реальности своего существования. На него можно лишь сослаться в инструментальном порядке: в религиозных заповедях, регламентирующих заботу о *"бессмертной душе"*, для "спасения" которой следует подчиняться указаниям религиозных авторитетов; в пропаганде вождями масс *"Я, как социальной единицы"*, функциональное определение которой импринтингом внедряется в сознание гражданина; в манипулятивной стратегии контроля производителем/потребителем по вилке *"лидер/аутсайдер в регламентированном функционале"* и т.д. Увы, но задолго до того как человеку открылись глаза на то, что небесные тела, регулярно наблюдаемые им на небосклоне, являются не живыми богами, сражающимися друг с другом за власть и определяющими своим положением судьбы населяющих Землю людей, но всего лишь такими же физическими телами, как и его собственная планета, пока человек смог обнаружить, понять и принять этот факт, ему много тысячелетий морочили голову самозванные "представители" божеств, толкователи небесных сущностей и прочие медиумы-посредники между могуществом *"богов"* и потребностями *"человеческих душ"*.

Нам может показаться, что мы значительно продвинулись в плане преодоления подобных предрассудков. Еще бы — современный просвещенный человек осведомлен (см. эпиграф) о том, что Земля вращается вокруг Солнца, образуя своим движением плоскость эклиптики. Он даже может выйти за границы гелиоцентрической схемы, согласившись с тем фактом, что и Солнце, в свою очередь, не являет собой центр мироздания. Наиболее подкованные не преминут добавить, что и само понятие центра во Вселенной отсутствует, как минимум в нашем уютном трехмерном пространстве. Но даже эти смельчаки не готовы отказаться от птолемеевских схем в собственном внутреннем мире, в отношении к ежедневно ощущаемым "объектам" своего inner space. Говоря о сложности преодоления подобных стереотипов, сформированных тенденцией к простому объяснению и давлением "истин восприятия", открытых под парадигмой приспособления к ощущениям, стоит процитировать Ричарда Докинза, который в книге "Бог как иллюзия" приводит следующий пример: *«Великий философ XX века Людвиг Витгенштейн как-то спросил своего друга: "Почему люди всегда говорят, что было естественно предположить вращение Солнца вокруг Земли, а не Земли вокруг Солнца?" Друг ответил: "Понятно почему — зрительно кажется, что Солнце вращается вокруг Земли". На что Витгенштейн ответил: "Интересно, как бы зрительно выглядело, будто вращается Земля?"»* Полная аналогия с нашими представлениями о самих себе — ощущение наличия внутри нас некоего "Я" настолько *реальное и естественное*, что для того, чтобы поставить его под сомнение, требуется немалая смелость и стремление к объективности, далеко выходящие за пределы т.н. "здорового смысла" и "истин, усвоенных чувственным опытом и интуицией". Намного проще и удобнее продолжать холить и лелеять свою неуловимую самость, наделять персональными качествами строго определенный ряд объектов внешнего мира, проводить различие между ними и самим собой, поддерживать сложную стратификацию — на "персон", "персонифицированных", кажущихся таковыми etc..., просчитывая их "эпициклы и деференты" относительно центральной точки — собственного "Я"... Мы настолько привыкли к этой эмоционально приятной и интуитивно доступной схеме мироощущения, что уже не способны осознать собственные затраты на преодоление последствий ее применения.

Подобно тому как Птолемей не являлся родителем концепции геоцентрического мироздания, идея наличия внутри каждого из нас "внутренней сущности, называемой Я", также имеет множественные

корни. От Аристотеля и до последователей Декарта эта идея набирала популярности, как нельзя лучше отвечая потребностям каждого индивидуума и общества в целом (особенно его наиболее влиятельных слоев). Хронограф психологической науки Эдвин Боринг в своей "Истории интроспекции" прямо указывает на источник данной иллюзии: *"Догма о бессмертии души, и длительное господство богословия неизбежно повлияли на психологию. Термины для обозначения души и психики не различаются во французском и немецком языках (âme, Seele), а также в греческом и латыни (psyche, nous; anima, mens) так четко, как в переводе на английский. Именно способность мышления претендовала на бессмертие, и Декарт, ревностный католик, наделяет человека разумной душой, созданной из непротяженной вечной субстанции..."* Как и любая дихотомия в основе той или иной концепции, декартовский дуализм "протяженной телесной" и "абсолютной мыслящей" субстанций создал уютную птолемеевскую систему мира, в центре которой поместился неуловимый *"анализатор и думатель"* — актер роли "Cogito ergo sum", а на периферии — объекты произвольного фокуса его познающего интереса. Каждый из нас, не без самодовольства повторяющий этот декартовский тезис, незаметно укрепляет фундамент собственного дуалистического мироощущения, утверждая "интуитивно понятную" картезианскую идею внутреннего театра — подобно тому, как невинная утренняя реплика *"Солнце встало на востоке"* незаметно поддерживает у обывателя родную его сердцу птолемеевскую картину мира.

Как и у витгенштейновского наблюдателя за движением Солнца, формирующего убедительную и ошибочную *точку зрения*, наше "осознание самого себя" и "самоощущение Я", несмотря на свою простоту и повсеместную интуитивную доходчивость, не может служить прочным фундаментом для обоснования декартовской концепции. *"Как бы глубоко я ни проникал в то, что я называю моим Я, я всегда наталкиваюсь на то или иное частное ощущение — тепла или холода, света или тьмы, боли или удовольствия. Я никогда не могу наблюдать ничего иного, кроме ощущения..."* писал Давид Юм в "Трактате о человеческой природе". Здесь может показаться, что "ощущение" подразумевает некоего "ощущающего", и это снова возвращает нас в лоно декартовской концепции, однако при попытке разобраться с понятием "ощущающего" и выяснить природу его "ощущений", мы падаем в бездонную пропасть тавтологичной рекурсии. Юм был не единственным, кто пытался бороться с этими паразитами сознания, с метафорами здравого смысла и с идиомами бытового мышления, в которых главными критериями построения картины мира служат не глубина, полнота и истина, а простота, приемлемость и оперативность. Ощущения отличаются от рассуждений в значительной степени именно тем, что первые даны нам произвольно, регулируются в незначительной степени и обладают относительно общими для всех качествами, а вторые — в полной противоположности — подчинены нашей воле, их характер и содержание зависят только от нас, и при этом поделиться ими с остальными удастся лишь частично и с немалым трудом. Поэтому на протяжении всей эволюции по отношению к ощущениям человек придерживался *адаптационного* подхода: "приспособление к тому, что поставляют органы чувств извне и снаружи, чтобы обеспечить себе предупредительное и комфортное существование", а по отношению к продуктам рассудочной деятельности — *формального*: "произвольное описание внутренних ментальных процессов с целью удовлетворения задач адаптации при общении с себе подобными". Это крайние примеры, в реальности оба подхода всегда смешиваются в разных пропорциях в зависимости от контекста задачи. Самым сложным случаем оказалась ситуация с "Я". Дуалистическая парадигма подразумевает, что наша самость занимает внешнее положение по отношению к обоим этим процессам, референсируя некоего актера, который является конечным адресатом-оценщиком "входящих" ощущений и автором-источником "исходящих"

мыслей. Между тем как беспристрастное изучение генезиса самого феномена и его внутреннего характера позволяет сделать вывод, что он обязан своим возникновением не какой-то трансцендентной "сущности", спрятанной внутри (или в абсолютном "вовне") каждого из нас, а представляет собой результат давно известных процессов: "привычка к ощущению, имеющему неуправляемый характер" и "обозначение образов и эпифеноменов, возникающих в процессе выстраивания дискурса". Здесь важно понять, что ощущение "Я" создается не в силу фактического наличия этой самости внутри "ощущающего" (подобно тому, как иллюзия вращения Солнца вокруг Земли возникает не потому, что Солнце на самом деле "восходит на востоке"), а с точностью наоборот — мы подразумеваем наличие этой "самости" на материале вынужденного привыкания к данному ощущению и потребности дать ему имя (подобно тому как мы вербализовали нашу привычку к регулярному утреннему появлению светила над нашей "незыблемой твердью"). В чем же суть этих странных ощущений, откуда они вообще берутся и почему вынуждают нас (и кого это — нас?) прибегать к такой реакции, выливающейся в создание целого института "Я" — с его храмом Индивидуума, с его почитанием "личности", со всеми его паразитами мышления, химерами сознания и навязчивыми идеями, дающими почву для существования религий, суеверий и огромного ряда явлений, апеллирующих к животным эмоциям и интуитивно простым объяснениям?

"Интуитивно простое" и "абсурдное" часто идут рука об руку — создавая плацдарм для манипуляций под девизом "истина — в доступном". Ричард Докинз посвятил этому феномену большое внимание в "Бог как иллюзия": *«Еще один сторонник идеи о том, что религия является побочным продуктом полезных психических свойств, — психолог Пол Блум — заметил, что у детей имеется природная склонность к дуализму. По его мнению, люди, а особенно дети — прирожденные дуалисты, и религия является побочным результатом этого инстинктивного дуализма. Дуалист полагает, что между материей и сознанием существует коренное различие. Монист, напротив, считает сознание порождением материи (мозговых тканей или, возможно, компьютера), не способным существовать отдельно от нее. Дуалисту представляется, что сознание — это своего рода бесплотный дух, обитающий в теле и теоретически способный покинуть его и переместиться в другое обиталище. Дуалисты с готовностью объясняют душевные заболевания "вселением нечистой силы", то есть тем, что в теле больного временно обосновались злые духи, которых нужно "изгнать". При малейшей возможности дуалисты персонифицируют неодушевленные физические объекты и обнаруживают духов и демонов в водопадах и плывущих облаках.»*

Следующую цитату из той же главы "Психологическая предрасположенность к религии" следовало бы привести позже, когда мы обратим внимание на тенденцию человека к персонификации всего и вся, однако она уместна и в данном контексте: *«Идея о существовании где-то вне досягаемости людских чувств "меня", способного, по крайней мере в художественной литературе, перемещаться в чужую голову, очень глубоко коренится в нашем сознании и не исчезает полностью даже в случае интеллектуальной приверженности монизму. Блум подтверждает это экспериментальными данными, которые показывают, что дети, особенно малыши, гораздо более склонны к дуализму, чем взрослые. Из этого можно заключить, что склонность к дуализму встроена в человеческий мозг, что, по мнению Блума, создает естественную предрасположенность к восприятию религиозных идей.»* И чуть ниже: *«Свойственный нам дуализм помогает поверить в "душу", обитающую в теле, но не являющуюся его составной частью. После этого не так уж и трудно представить себе перемещение такого бесплотного духа в другую обитель после смерти телесной оболочки.»* Как и положено в мире конкурентного выживания и непрекращающейся борьбы

за существование, любое слабое место в организме или в психической организации рано или поздно будет обнаружено соответствующими паразитами, которые начнут использовать его для извлечения собственной выгоды. Одним из них является миф "вечной жизни", поддерживаемый институтом разнообразных религий, эксплуатирующих нашу склонность выдавать желаемое за действительное и руководствоваться "интуитивно простыми" объяснениями, сила которых "в доступности и приятности". Докинз: *"Многие религии, например, содержат объективно невероятные, но субъективно желанные доктрины о сохранении нашей духовной сущности после физической смерти. Идея бессмертия живет и ширится благодаря своей привлекательности. А привлекательность работает благодаря почти повсеместной тенденции человеческого сознания верить в то, чего хочется."*

Долгое время казалось, что интроспекция позволит нам разобраться с тем, что происходит внутри каждого из нас, и немалый период развития психологии был связан с данной методикой. На текущий момент собрано достаточно свидетельств тому, что результаты интроспективных экспериментов не могут быть приняты как заслуживающие доверия, и это, в свою очередь, ослабило позиции дуализма, согласно которому внутри каждого из нас существует некий "наблюдатель" или "оценщик". Представления, которые якобы разворачивались в декартовском театре, оказались лишенными как зрителей, так и актеров. Впрочем, подобная судьба постигает все концептуальные системы, которые основываются на той или иной форме дихотомии, разделяя мир на "внешнее" и "внутренне", на "душу" и "мертвое", на "добро" и "зло". Любой объясняющий прием в стиле "противоборства начал" создает лишь иллюзию объяснения, но на самом деле приводит лишь к запутыванию вопроса. Феноменализм, сменивший интроспекцию, в свою очередь сам уже подвергается заслуженной критике, уступая когнитивистскому подходу. Психология стала перед необходимостью элиминации феноменального, находя доказательства тому, что качества, подобные "видеть", "испытывать боль", являются симулякрами, не имеющими особой субъективной реальности (см. Юлина «О статье Д. Деннета "Как исследовать сознание эмпирически"»). Откуда же, в таком случае, берутся и где существуют эти симулякры? Откуда вообще берется само "Я", которое мы можем обсуждать? Чтобы ответить на этот вопрос следует понять, что не из наличия "Я" следует потребность описания его словами, но полностью наоборот — возможность (а для современного человека уже и необходимость) пользоваться даром речи порождает ощущение той условной абстракции, которую мы нарекаем "самим собой", своим "его", самым важным человеческим приобретением — "внутренним духом", "своим Я". *«Наше сознание и наша личность являются не причиной (не источником) словесной повествовательной паутины, но её продуцентом.»* (Д. Деннет). Оба эти образования — вторичны от данной функции. Не "мы рассказываем о себе", но сам нарратив (рассказываемые нами истории в ходе взаимодействия обладающих речью) творит побочным эффектом внутри каждого говорящего ощущение наличия "Я". Дискурс создает иллюзию наличия актера, зачитывающего роль. Возникающее в результате ощущение "самости" является на самом деле не более, чем абстрактным центром этого дискурса, нулевой точкой выстраиваемой в повествовании системы координат. *"В соответствии с моей теорией, самость ближе не к понятию типичной математической точки, но к абстракции, определяемой несчетным множеством свойств и интерпретаций (включая самоинтерпретации и внутренние свойства), обретенных в ходе личного опыта живого существа, чей центр Повествовательного Притяжения эта самость представляет."* (Д. Деннет, "Объясненное сознание")

Уход от картезианского дуализма, четко разграничивавшего мир на "одухотворенную" и "мертвую" природу, избавляет нас также и от дискретности в описании свойств окружающего мира. Наше "Я" более не понимается как четкая демаркационная линия, которая отделяет Homo Sapiens от всего прочего животного мира. Как и во многих других случаях, в эволюционном ряду не существует строго очерченных рубежей, но есть континуальные переходы с градацией выраженности того или иного качества. Это справедливо для всех без исключения признаков, и наше подмножество "самостных" (или "Я"-шных), подобно классу млекопитающих, в своем развитии проступало постепенно, формируя и оттачивая характерные черты не в одном единственном виде-представителе, но в широком спектре живых существ. Это на первый взгляд может показаться удивительным, но достаточно вспомнить, что т.н. "внутренняя реальность" (она же — субъективный мир) имеется у всех высших животных. Она возникла в результате приспособления к среде, как функционал для отыгрывания вариантов ее возможных состояний — живое существо подготавливается к ним при помощи механизма планирования своего поведения. Для кошки мир представлен системой образов, составленных из добычи, убежищ, партнеров и перечня угрожающих объектов — и сложность их внутренней репрезентации полностью соответствует стоящим перед кошкой задачам. Долгое время для предков современного человека эта модель была ничуть не сложнее модели любого хищника с поправками на его привычки и среду обитания. Однако, когда среда усложнилась вербальным пластом, когда коммуникация позволила выстраивать дополнительную реальность, сила и выразительность которой зачастую оказывались превалирующими над всеми прочими, человек в попытках адаптации к этому новому фактору постарался развить прогнозирующий аппарат, учитывающий новую категорию оперируемых единиц — выраженных в словах и понятиях. Формируя это пространство, как систему координат, он оказался поставленным перед необходимостью занять какое-то место внутри этого нового семантического поля. Много лет у человека (как у всякого млекопитающего, у той же кошки) место "центра" занимали тело и его ощущения, поскольку все его задачи сводились к поддержанию гомеостаза физиологической системы в условиях выживания в конкретной — вполне объективно представленной — среде. Теперь же среда стала многофакторной, слова соткали новый пласт существования, для ориентации в котором необходимо было найти какую-то точку отсчета. Такой точкой вынуждено оказалось понятие "Я" — обозначенное не по факту обнаружения чего-либо референсного, но созданного ad hoc, из ничего, декларативно определяющее фокус внимания и "целевое подразумевание" для совершаемых действий (в т.ч. и вербального характера).

В рассуждениях, приведенных выше, Деннет отмечает следующий нюанс: когда слова описывают реальный мир, их референсные объекты представлены объективно существующими вещами и явлениями, подлинность которых легко проверить. В отличие от этого, при вербализации мыслей их денотатами выступают те же конструктивные единицы, из которых состоит дискурс — т.е. сами слова, и ничего кроме них. Таким образом, продуцент этого дискурса — сознаваемое "Я" — обладает не большим статусом существования, чем любая фантазия, иллюзия, словесный оборот или мысленный образ. Это все явления одного порядка. В обыденной речи, в т.ч. во внутренних монологах, вполне естественны следующие обороты: *"это мое воспоминание"*, *"это мое ощущение"*, *"это моя идея"*, в которых имплицитно подразумевается наличие какого-то фиксированного "Я", выступающего владельцем всего вышеперечисленного. Мы не замечаем, что это не более чем перенос бытовых представлений, сложившихся в ходе ежедневного опыта, на мир внутриспсихических процессов. Непривычные на первый взгляд выражения вида: *"с таким воспоминанием Я не очень красиво выглядит"*, *"у данного ощущения Я мало заметно"*, *"у этой идеи Я прямо завидное"* будут более

адекватными, потому, что их формулировка указывает на примат внутренних процессов, у которых побочным атрибутом появляется свойство "принадлежности", но уже не ссылающееся на мнимого картезианского актера, зачитывающего (для кого? для себя?) собственные мысли. Стоит нам перенести точку отсчета с Земли на Солнце, как поведение всех ближайших астрономических объектов значительно упрощается, позволяя нам лучше понимать солнечную систему и составляющую ее объекты. Стоит поставить с головы на ноги представления о взаимосвязи "Я" и ментальных процессов, как мы избавляемся от большинства химер идеологии и значительного числа паразитов мышления. Естественно, у приверженцев "простых и приятных объяснений" при этом уходит почва из-под ног, поскольку они теряют дорогие их сердцу представления о нашей планете, как о центре мироздания, а о себе самих — как о вместилищах бесценных "Я", бессмертных душ и уникальных "самостей". Эти потери крайне болезненны для тех, кому эмоции важнее рассудка, кто рад оставаться в границах приспособительной парадигмы, призванной давать простую, доходчивую и комфортную картину мира.

Наша речь является для нас таким же продуктом приспособления, как для бобра — выстраиваемая им плотина, а для паука — сплетаемая им паутина. Здесь Деннет апеллирует к понятию расширенного фенотипа, введенному в употребление Ричардом Докинзом. Окружающая среда модифицируется агентом адаптации с целью добиться наилучшего приспособления к ней; и если для животных эта среда ограничена физическим миром, то для человека она дополнена не менее (а зачастую и более) важным вербальным пространством. Каждое живое существо расширяет свой фенотип теми инструментальными средствами, которыми оно обладает, и в тех сферах, которые ему доступны: одни это делают при помощи передних зубов — резцов, другие для этого используют паутинную железу, а третьи задействуют сложную гортань и центр Брока. Одни дополняют свой фенотип физическими объектами, другие не ограничиваются этим и достраивают его дискурсивно — создавая ad hoc столько конструкций, сколько требуется для задачи адаптации. Решая эту задачу в условиях осложнившейся среды обитания человека, наша речь отразила функции, которые до сих пор реализовывались исключительно мышцами, когтями и зубами нашего предка — неразумного животного. С помощью слов мы проявляем агрессию, обеспечиваем себе кров и пропитание, добиваемся партнеров противоположного пола, защищаемся в случае опасности. Ведь кем бы ни считал себя Homo Sapiens, сфера его желаний и устремлений так и не вышла из рамок задач, определенных его далекими предками, да и сама жизненная тактика любого индивидуума в любой момент его жизни сводится к поиску баланса между четырьмя типами поведения: Атаковать, Поедать, Прятаться и Спариваться (известными в англоязычной среде эволюционных биологов, как набор "четырех F" — в политкорректных источниках их называют: *"Fighting, Feeding, Fleeing... and reproduction"*). Эти инструментальные задачи решаются в том пространстве, которое доступно для конкретного вида, будь то вода, суша, воздух или любая их комбинация. Добавив сюда речевое "измерение", человек обогатил вариативность реализации своих поведенческих алгоритмов, расширил способы решения типовых задач, но при этом целиком остался в рамках адаптационной стратегии, унаследованной от своих предков. Паутина, сплетенная пауком и ежесекундно контролируемая им — это экстернализация его нервной системы. Любое возмущение в каком-либо ее участке тут же будет передано на нервные рецепторы паучьих лап, постоянно находящихся на паутине, чтобы затем сигнал поступил в мозг, был обработан и сформировал необходимую моторную реакцию на раздражение. Мы видим в паутине не более чем временную и непрочную структуру, ее легко снять пальцем, она сносится упавшим листом или срывается порывом ветра, но для самого паука эта ткань является частью его самого, если можно так выразиться — частью его "самости". Паук и паутина — одно целое, и этому ничуть не мешает тот

факт, что он сплел паутину полчаса назад или будет создавать новую через день в другом месте. Точно так же бобер строит плотину, потому, что для него она — часть его взаимодействия с окружающим миром, ее отсутствие в месте, которое в "пространстве понятий" бобра обозначено как "плотинное", является фактором, мотивирующим его к соответствующей активности.

А что же наш венец природы? Что продуцирует человек в попытках обустроить свою среду обитания? Его расширенный фенотип с обретением человеком речи обогатился еще одним "пространственным измерением" — сферой дискурса, повествования, нарратива. Оперировать речевыми актами в общении с себе подобными для нас так же естественно, как для бобра грызть ствол, птицы — вить гнездо, а зайца — рыть нору. В этом мире человек волен "сплестать паутины", "возводить плотины", "вить гнезда", "изменять ландшафт под свои нужды" и даже "отращивать павлиньи хвосты" (кавычки подчеркивают виртуальный характер референтов). Рассказывая о чем-либо, любой рассказчик, обладающий интенциональностью, вынужден обособить автора повествования от самого предмета повествования — для чего на лету создается представление о "своем Я". Это представление вводится в дискурс под тем или иными термином, после чего в ходе регулярного опыта и многократного повторения данного приема оно начинает восприниматься как незыблемая сущность, как подлинный творец дискурса, как его источник и первопричина. Как паук не замечает (и вообще не знает) того, что его тонкочувствующая паутина сплетена им же самим день назад, а через день будет заменена на другую (возможно даже в другом месте), так и человек, ежеминутно выстраивающий во внутреннем нарративе образ "Я" не знает и не хочет знать того, что этот образ является таким же расширением его фенотипа, как паутина для паука. Не может и не хочет осознать исключительную инструментальность и ситуативность характера этого эпифеномена. Даже призрачная белесая паутина просуществует намного дольше, чем то, что мы в текущую секунду называем своим "Я". Уже через мгновение это "Я" будет заменено иным — но заметить это будет некому, потому, что нет никакого шаблона, образца или "self"-прототипа, по которому "некто" мог бы сверять степень аутентичности, стабильности или константности данного ментального образа. Между тем, где бы ни находилась паутина, у нее всегда будет точка контакта с пауком. И Деннет обращает наше внимание на следующий момент: о чем бы ни рассказывал рассказчик — в его дискурсе всегда будет место для условного центра нарратива. С этим центром, называя его своим "Я", субъект тесно и прочно ассоциирует свое физическое тело, не всегда указывая его пределы, но связывая их отношением "один к одному", подразумевая при этом тождественность "примерной границы своей самости" с границами своей физической оболочки — чем совершает очередную ошибку. Деннет приводит достаточно примеров того, как ежедневно и ежечасно наше "Я" съезживается до микроскопических (относительно вместилща) размеров или расширяется, охватывая предметы совершенно чуждые нам и даже относящиеся к неживой природе (случай отождествления водителя со своим автомобилем или ремесленника с хорошо известным ему инструментом, становящимся не просто продолжением его рук, но и обретающим ценность, сравнимую с ценностью некоторых органов). Локализация "Я" может вообще выноситься вне физического тела — с целью разорвать отождествление в случаях той или иной психологической защиты (феномен, хорошо известный в психологии и травматологии), причем во многих случаях это "смещение центра" является единственной возможностью сохранить психику субъекта в целостном состоянии. Но Деннет на этом не останавливается, он приводит убедительные свидетельства тому, что даже само привычное представление "одно тело — одно Я", лежащее в основе психотерапевтической концепции, является глубоко ошибочным: *"Я полагаю, что некоторые люди допускают элементарный арифметический просчет: они просто не замечают, что два или три или семнадцать "Я" в одном теле ничуть не*

более метафизически странная вещь, чем одно-единственное. Даже одного слишком много!" (Д. Деннет, "Объясненное сознание"). Хорошим примером абсурдности соотношения "Я" и тела-носителя служит упоминаемая там же история двух сестер — Греты и Фреды Чаплин, двух девушек-близнецов. Несмотря на то, что они родились вполне нормальными и обычными детьми, впоследствии — в силу особенностей воспитания — у них на двоих сформировалось единое "Я". Одно — на два физиологически обособленных и объективно полностью самостоятельных тела.

"Я"-концепция человека не имеет фиксированной структуры и в любой момент времени представляет из себя динамичное и лабильное образование. Это сложная иерархия, которая на протяжении всей жизни индивидуума изменяется как в своем составе, так и в силе влияния составляющих его элементов. На формировании этой структуры сказывается все, что способно повлиять на адаптацию субъекта в данном окружении — от генетического наследия, до эмоционального фона социума, его ценностных ориентиров, языковых норм, культурного окружения и многого другого. Причем гибкость этой структуры позволяет субъекту выживать при очень резких изменениях контекста — "сцены действия". Анализируя множество "Я"-ролей в разное время их проявления, невозможно не прийти к выводу, что между этими "личностями" крайне мало общего. Даже без драматических катастроф и социальных потрясений любой индивидуум в ходе своего онтогенеза неизбежно меняет свою "Я"-концепцию — продолжая при этом сохранять убежденность в том, что его "Я" остается единым на протяжении всей его жизни. Каждый человек в 30, 40, 50 лет, вспоминая предшествующие этапы своей жизни, легко оперирует выражениями: "Когда мне было 10 лет...", "Когда я перешел в следующий класс...", "Когда я закончил институт...", "Когда я женился...", "Когда я сменил работу" и т.п. — не понимая, что это были совершенно разные "Я", сформированные значительно различающимися "Я"-концепциями. И здесь еще не учитывается тот факт, что под одним "Я" мы подразумеваем не одну личину, а множество ежедневных ролей, которые мы примеряем в зависимости от ситуации и потребностей текущего момента. На самом деле, если и можно говорить о каком-то "Я", то о таком, которое существует и действует в пределах одного момента, здесь-и-сейчас, но тут же исчезает, нигде и никогда более не встречаясь, поскольку для любого иного действия уже используется слегка или значительно отличающееся иное "Я".

Каждое такое "Я" не способно полноценно референсировать ни наш обобщенный опыт, ни наши текущие мотивационные установки, ни что-либо иное, обычно отождествляемое с этим личным местоимением. Про эту неполноценность симулякра "Я" в своей статье говорит И.Бескова, определяя "Я"-представление как сформированный в ходе приспособления бессубстратный слой:

"...непосредственно доступной субъекту, поместившему фокус самоидентификации в эго, оказывается информация, извлекаемая в результате применения сознания и средств постижения, основанных на его использовании. Остальная же часть информации, которая была воспринята индивидом на базовых уровнях (отдельными системами и организмом как их совокупностью), оказывается вне сферы достижимости сознания. Это и значит, что она им не осознается."

(Бескова И.А. "Эго-сознание как поверхностная структура.") Там же: *«Помещая локус самоидентификации в поверхностное "я", в эго, человек утрачивает глубину, объемность, поскольку связи с собственным внутренним миром (из-за пережитой на уровне "я как целое" диссоциации) он в обычных ситуациях практически не ощущает.»* И далее: *«Отношение ко всему остальному миру у такого "я" по вышеописанным причинам будет как к чему-то, что отделено от него барьером, не дано в непосредственном переживании-усмотрении. Иными словами, остальной*

мир для я как целого оказывается чем-то отличным от него в глубинной своей основе, т.е. другой природы.» Вся эта неполнота презентации ничуть не мешает нашему "Я" выступать в качестве центра сосредоточения всех наших интересов, ядра нашей "метафизической сущности", становясь смыслом всего нашего существования. Это является результатом выгодного размещения данного симулякра в центре повествования, следствием появления иллюзии присутствия референсного объекта у этого "центра притяжения" нарратива... который в это же время узурпировал значительную часть дискурса собственной "персоной".

Настало время назвать вещи своими именами, и в этом нам поможет теория мемов, разработанная Ричардом Докинзом. В работе "Бог как иллюзия" Докинз отлично продемонстрировал, до каких катастрофических форм может дорасти истерия вокруг паразитирующих на наших слабостях мемов, в число которых входит не только "интуитивно понятный" мем "внутренней самости", но также и мем одержимости идеей "Всевышнего творца" и множество других, имеющих родственные корни. Пожалуй, после всего сказанного мы можем сформулировать определение их общего предка и дать персональное имя этому мему-паразиту, давно им заслуженное. Фундаментальное основание нашего настойчивого стремления постоянно помещать себя в центр происходящего, нашей потребности тщетно искать этот "центр" и создавать его "на лету" достойно быть названо **Птолемемом**. Это вечная и вездесущая идея птолемеевской концепции, проникающей во все сферы нашей жизни, доминирующей на всех уровнях нашего мышления и поведения — и наносящая тем больший вред, чем менее мы осведомлены о ее природе, чем доверчивее и восприимчивее мы к ее "интуитивному откровению" и "простым и доходчивым истинам". По сути дела, все люди, действующие в рамках парадигмы приспособления и не способные выйти за ее границы, реализуют расширенный фенотип этого Птолемема. Его живучесть и вездесущность едва ли не самые значительные среди всех прочих мемов. Именно Птолемем лежит в основе всех религий, суеверий, астрологий, теорий заговоров, расовых доктрин, "борьбы начал", национализма, über alles патриотизма, идей бессмертия, призывов к покорению природы и космической экспансии, etc. — поскольку упрощает и низводит до привычных образов (как правило, пещерного генезиса и соответствующего уровня) такие явления, которые не сопоставимы с подменяющими их бытовыми метафорами, а зачастую даже противоположны им. Популярное представление задач "покорения природы" и "космической экспансии" обычно не выходит за рамки банальных обывательских шаблонов "размножение племени" и "расширение возделываемых угодий" — с добавленным атрибутом бесконечного повторения привычных паттернов поведения и снятым ограничением на удовлетворение типовых физиологических потребностей. Идея продления жизни органического тела — как абсолютизация модели потребителя (будь то материальных благ или сенсорных потребностей скучающего индивида). Идея бессмертной души — как гарантия удовлетворения "в иных сферах" всего того, что он недополучил (но к чему взрастил потребности) на "низменном земном" уровне. Благодаря Птолемему в эмоциональной системе координат создаются "простые и приятные" идеи, объяснения и целеполагания, решающие задачу адаптации индивида, обеспечивающие ему "здесь и сейчас" комфортное восприятие мира, в центре которого всегда будет помещаться описывающий его наблюдатель. Без Птолемема мир мыслящего существа был бы совсем иным — как внутренний, так и внешний, хотя скорее всего в его отсутствие наша психика вообще не смогла бы сформироваться. Положительный эффект его оберегающих функций недооценивать, безусловно, нельзя. Как всякая единица приспособления, как всякий мем или ген в докинзовской концепции, Птолемем обязан заботиться о сохранности своих носителей, своих транспортных агентов. Именно поэтому защитные механизмы нашей психики апеллируют к нему в тех случаях, когда важно

сохранить гомеостаз, когда душевный баланс важнее адекватности картины окружающего мира. В природе нет представителей абсолютного зла и добра, поэтому экспрессия Птолемея может заслуживать как беспощадной критики, так и благодарственной оды – не отменяющей, впрочем, признания его общего патогенного характера (следует предостеречь читателя от ошибки принятия этого паразита за симбионта). Следующая глава будет посвящена проявлению Птолемея в регулярной активности его транспортной единицы — в повседневной жизни психически здорового представителя Homo Sapiens.

Триумф имперсонатора

*"Человеческое, слишком человеческое,
как правило, нечто животное."
(Рюноскэ Акутагава "Слова пигмея")*

Жизнь разворачивается для нас в смысловом пространстве шаблонных моделей, конструкторов здравого смысла (то, что Альфред Шюц, а за ним и Гуссерль называли "жизненным миром"). С рождения и до смерти мы наполняем этот тезаурус, включая в него все феномены, которые оказываются в сфере нашего внешнего и внутреннего опыта. Простые и доступные модели, входящие в его состав, настолько сильны своим удобством и экономностью употребления, что даже попытка их рационального осмысления не в силах полностью нивелировать их эффект. Здесь можно опять обратиться к птолемеевой метафоре: мы осведомлены, что Солнце не вращается вокруг Земли. Мы — рассудком — понимаем, что на самом деле наша планета вращается в направлении с запада на восток, обратном кажущемуся ходу Солнца. Однако в обыденной жизни мы уютно ощущаем себя в упрощенной "инвертированной" модели этого явления, свидетельством чему являются наши обороты: *"солнце восходит на востоке"* (вместо *"восток заходит под светило"*), *"солнце клонится к закату"* (вместо *"мы вышли из-под солнца"*) и т.п. На первый взгляд эти тонкости несущественны, однако разница между ними огромна, поскольку свидетельствует о доминанте увековеченной в культуре и языковых конструктах "адаптированной" (упрощенной) модели над объективной, соответствующей давно установленным фактам.

Одним из приемов упрощенного восприятия является феномен персонификации, хотя наивно будет думать, что это исключительно наше, человеческое, изобретение. Кот, с которым играют бантиком, видит в игрушке не то, чем она является, а ускользающую жертву — поскольку его восприятие и рефлексы сформированы таким образом, который указывает: "хватай все, что имеет определенные размеры, находится в пределах досягаемости и движется характерным образом". Эволюция не требовала более детального анализа данного рода объектов, их природы и характера, в большинстве случаев реакция "хватай" на подобные объекты полностью оправдывает себя. Тем же образом кот, едва услышав вой пылесоса, предпочтет выбрать поведенческий алгоритм "спасайся" — реализация той же генетически закрепленной стратегии, указывающей ему, что в данном случае это наилучшее решение. Подобное упрощение выгодно для любого живого существа, потому что, постоянно находясь в условиях необходимости быстрого реагирования, оно лишено возможности спокойно изучить

подлинную природу явления, с которым столкнулось. Из тех трех видов реагирования и предсказания поведения внешних объектов, которые Деннет определяет как физический, проектный и интенциональный, животному быстрее всего дается последний из них — наименее объективный, но при этом самый экономный (и эффективный — если оценивать его по критериям успешности приспособления). Физический анализ требует наибольших усилий и во всей своей полноте вообще недоступен для живого существа. Проектный предполагает абстрагирование от устройства и внутренней природы феномена, перенося акцент на понимание его функционала и предназначения. Это несколько проще, однако предъявляет высокие требования к адекватности идентификации феномена и к информационной плотности "тезауруса", которым оперирует реагирующий организм. Между тем как интенциональный (или как его еще называют — целевой) способ отношения к феномену предъявляет к реагирующему наименьшие требования. Согласно ему, не имеет значения устройство источника аудиосигналов, не важно какое у него исходное предназначение — главным является лишь то, что он издает звуки, которые с высокой вероятностью могут оказаться звуками агрессии, направленной в вашу сторону. Также не имеет значения внутренняя природа у прыгающего перед глазами маленького предмета — скорее всего он *намеревается ускользнуть*. *"В случае интенциональности высоких порядков целевой уровень, подобно проектному, позволяет ускорить предсказание поведения окружающих, а это, в свою очередь, помогает выжить. Поэтому естественный отбор благоприятствовал использованию мозгом предсказаний на целевом уровне для ускорения работы. Таким образом, мы просто-напросто запрограммированы приписывать намерения объектам, от чьего поведения зависит наше существование."* ("Бог как иллюзия", Р. Докинз, глава "Психологическая предрасположенность к религии")

Этот механизм миллионы лет шлифовался в физическом мире. Но после того как человек открыл для себя мир вербальных репрезентаций, он перенес в него старые, хорошо отработанные паттерны реагирования и принципы построения моделей. Подобно тому, как он воспринимает себя самого как наполненную интенциями персону, он и весь окружающий мир предпочитает описывать как воплощение персональностей, имеющих комплементарные или контрарные интенции по отношению к его собственным. Сформировав в дискурсе в качестве центра понятие "Я", которое "владеет" намерениями, "обладает" набором интенций, "содержит" определенные характеристики и атрибуты — субъект точно так же склонен оценивать и все внешние явления окружающего мира: как реализацию намерений, экспрессию атрибутов и характеристик точно таких "Я", каким он ощущает себя самого.

Как правило, исследователи феномена персонификации ограничивают его область кругом внешних и неодушевленных предметов, сводя данное явление к механизму наделения неодушевленных объектов произвольной интенциональностью, которая в том или ином роде соотносится с интенциями самого субъекта. Традиция подобного ограничения подхода к механизму персонификации имеет свои корни в умолчательно принятой аксеме, согласно которой внутри каждого из нас есть некая подлинная "самость", ощущающее "Я", оценивающая "персона" — которая уже по тем или иным причинам проецируется на явления мира внешнего. Но с развенчанием этого картезианского мифа феномен персонификации превращается в театр абсурда — мы обнаруживаем, что наше досадливое восклицание *"Опять ты под ногами путаешься!"* в адрес комода, об резную ножку которого мы неосторожно ударились, столь же бессодержательно, как и последующая за ним жалоба *"Я ушибся!"*. Надо понимать, что между поврежденной полировкой ножки комода и "ушибленным мной" имеется огромная разница, заключающаяся в том, что ножка существовала до столкновения, обладает

фактическим статусом бытия и несет на себе реальные повреждения в виде царапин или вмятин. В отличие от нее "Я" введено исключительно к случаю, создано "на лету" — лишь для того, чтобы обозначить адресата болевого ощущения. Этому "Я" не могут быть причинены ни повреждение ни удовольствие, оно лишь обозначает условный локус и субъективный характер воспринятых ощущений (даже не самого субъекта). Неверным будет даже выражение "у меня болит нога", поскольку у вашего "Я" нет ноги. Эта тонкость кажется несущественной, поскольку, так или иначе, мы вынуждены указывать фокус нарратива при описании тех или иных ощущений, однако мы ни в коем случае не должны при этом упускать из виду искусственность используемого при этом оборота. Когда мы забываем про это, Птолемеем дает глубокие метастазы в нашей психике и мироощущении. Ни в коем случае нельзя забывать, что для каждого из нас его собственное "Я" существует ровно в такой же степени "реальности", в которой существует образ трубки на известной картине "Вероломство образов", вкусовое ощущение "крепкого чая", зрительная "алость" розового куста и т.д. Мы совершаем критическую ошибку, полагая, что у всего вышеперечисленного на самом деле имеются референсные объекты. Оставаясь в рамках парадигмы приспособления мы не осознаем их иллюзорность. Система координат, образованная на принципе пересечения интересов и намерений множества различных "Я", оказалась достаточно уютной и простой для того, чтобы вписать в нее семантику своего мироощущения всем существам, обладающим даром речи — поскольку создавалась в ходе эволюции речевой функции и адаптации психики к ее побочным результатам. В сущности, здесь ничего нового человеком изобретено не было. Как это часто встречается в Природе, использовался старый и проверенный механизм — интенциональный подход к трактовке воспринимаемых феноменов и построению прогностической модели для оперативной реакции живого существа.

Учитывая вышесказанное, у нас имеются все основания для того, чтобы явление персонификации, известное своей ориентированностью на внешние объекты, поставить в один ряд с еще одной формой экспрессии Птолемея. Она полностью аналогична предыдущей, но ориентирована не наружу, а вовнутрь, поэтому ее с полным основанием можно называть имперсонацией. По сути же дела, это две стороны одного явления. Разница между ними лишь в фокусе — в одном случае он экстернальный, в другом интернальный. В обоих случаях атрибутирование "Я"-сущностями объектов воспринимаемого мира (как внешнего, так и внутреннего) имеет одинаковую обоснованность и потребность, выполняет общую задачу. Такое обозначение условности, не имеющее за собой реального объекта, мы можем с полным правом отнести к категории симулякров (лат. *simulo*, "притворяться, делать вид"), в один ряд с которым встают многие воспетые сентиментальными лириками-антропоцентристами термины. Вероятно, надо напомнить, что словам "*лицо*" и "*личина*" (также "*личинка*") в их социально-ролевом значении соответствует "*persona; larva*", вместе с тем "*larva; persona*" это также и "*маска*", а одно из значений "*larva*" — "*привидение*". Похоже, мы просто забыли о том, что эти термины изначально обозначали не что иное, как: "ролевая подделка", "видимость", "временная имитация", "кажимость", в условности статуса и беспредметности которых наши предки ничуть не сомневались. Еще один эквивалент для "*лицо, личность*" — "*aetas*", обозначающий временной интервал жизни, заслуживает особого внимания, поскольку, возможно, это единственная удачная попытка дать какое-то объективное определение "самости" человека, максимально абстрагируясь от нее самой и акцентируя внимание исключительно на хронологических границах ее функционального проявления. Стоит ли удивляться, что в обиходе прижилась не она, а все прочие?

Анализируя причины самообмана, плотно вошедшего в нашу жизнь и мешающего нам вести себя как Homo Sapiens, Докинз приводит следующее рассуждение: *«Еще на одну дополнительную причину указывает эволюционный психолог Дж. Андерсон Томсон: это психологическая склонность к одухотворению неодушевленных объектов и наделению их волей. По словам Томсона, мы скорее примем тень за грабителя, чем грабителя — за тень. "Ложная тревога" в данном случае просто приведет к потере времени; обратная ошибка может стоить жизни.»* Налицо приспособительный характер образования этого феномена, возникшего в максимально упрощенной картине мироощущения, характерной для стадии животного, и удержавшегося в нашей психике до настоящего дня — обогатившись и усилившись благодаря возможностям, которые подарила нам речь. Есть все основания для того, чтобы эту склонность к одушевлению рассматривать как развитие общей тенденции любого животного рефлексивно (с максимальной скоростью, согласно трем описанным выше видам восприятия по Деннету) реагировать на любые сигналы, характер которых может оказаться важным для задачи поддержания собственного гомеостаза. Механизм умолчательного обнаружения эмоционально окрашенных образов и нахождения стереотипных объектов по их косвенным признакам не раз выручает млекопитающее, однако столь же часто играет с ним злые шутки. Фактически, этот механизм проявляется непрерывно — во всей нашей психической деятельности (как сознательной, так и бессознательной), и мы не только закрываем глаза на иллюзии, создаваемые им, но и с готовностью подыгрываем ему — например, современное определение "дружественного интерфейса" для любого устройства, детали повседневного интерьера или компьютерной программы включает в себя требования приблизить их к такому восприятию пользователем, которое создавало бы у последнего ощущение общения с равным себе, с существом, которое стремится навстречу его пожеланиям, выражает *понимание* его желаний и предугадывает их. Это внешнее проявление данного механизма, однако кроме него мы располагаем не менее сильной (и даже более выраженной) потребностью в упорядочении внутренних ощущений, переживаний и великого многообразия ментальных образов, возникающих внутри нас и доступных лишь нам одним. Как нам организовать этот мир? Какой внутренний интерфейс отношения к нему наиболее приемлем для существа, которое привыкло выискивать во всем "агентов волеи" и "носителей интенций"? "Тот же самый!" — подсказывают нам психические механизмы одушевления, открывая для себя огромную целину для имперсонации. Одинаково легко и просто эти механизмы обнаруживают "действующее лицо" в природном явлении, а также "рисуют" наличие внутри нас самих "действующего агента", добавляя убедительности к существованию внутри нас "главного солиста".

Здесь Птолемеем наверняка воскликнет устами читателя: *"Но как же так? Ведь я себя осознаю! Уж Я-то сам точно не могу ошибаться на этот счет! Почему же мне нельзя доверять убедительности ощущения своего собственного существования?!"* Соглашаясь с основной посылкой, следует уточнить выводы. Говоря о своем "Я", мы, безусловно, полагаемся на сознание. Однако мы не можем считать собственное сознание надежным источником информации о происходящих внутриспсихических процессах. И проблема даже не в том, что оно лишено непрерывности, на что обращал внимание еще Гилберт Райл. В дискретных своих проявлениях оно также не может претендовать на статус источника истины. Как замечает Деннет: *"Сознание не есть процесс, создающий объекты; это состояние быть информированным — или дезинформированным — о том, что происходит в действительности. ...человеческие субъекты являются неискоренимыми выдумщиками в отношении их собственного мышления. ... Шокирующий и почти парадоксальный вывод, по-видимому, состоит в том, что мы даже не знаем наше собственное*

мышление!" Там же: "Есть ли у вас уверенность в знании вашего собственного сознания? Как мы видели, в вашем сознании есть много такого, чего вы не знаете, но это относится — по определению, конечно, — к бессознательной части. А о части, которую вы знаете, вы в состоянии рассказать. Поэтому рассказывайте нам. Мы поверим вам. Однако вряд ли поверим, что вы сообщаете истину о происходящих внутри вас процессах." Оценивая сознание с точки зрения адекватности его "свидетельств" тех или иных внутренних феноменов, уместно будет провести параллель психического мира с государственным устройством. Всем известен локковский принцип разделения властей в грамотно организованном государстве: законодательная, исполнительная и судебная. Отступление от этого принципа приводит к коррупции, разрухе, и разладу в государственной системе. Впоследствии к перечню властей добавили четвертую — средства масс-медиа. Можно ли считать сознание таким органом информации? Да, безусловно, но с одной оговоркой — данное "государство" обладает полным контролем над этой "четвертой властью", в последнем элиминированы какие-либо намеки на свободу слова и независимость высказываний. Все, что "публикует" эта "четвертая власть", подвергается жесточайшей цензуре еще на этапе набора и верстки. Сознание, эта "четвертая власть" нашего внутреннего государства, очень плотно инкорпорировано в единую "государственную структуру" — настолько плотно, что наиболее известные патологии психики начинаются именно с попыток этой "власти" обрести независимость. В случае здоровой психики человека, находящегося в адекватном состоянии, гармония этого единства поистине заслуживает зависти со стороны поклонников тоталитаризма.

И это еще далеко не все. Исследования в области философии сознания и когнитивной психологии открыли нам глаза на то, что мы даже не можем отвечать за подлинность наших ментальных построений, не имеем доступа к их *истинному содержанию* (что тут же открыло вопрос: можно ли вообще говорить о таком понятии). В качестве примера можно привести известный мысленный эксперимент с "фиолетовой коровой". Допустим, вам предложили вообразить фиолетовую корову. Вы кивнули головой и ответили: "Готово! Образ фиолетовой коровы у меня в голове, я его отчетливо представляю, как будто вижу своими глазами". И здесь начинается самое интересное. Оказывается, что обнаружить ту самую "фиолетовость" у воображаемого вами рогатого животного каким-либо образом совершенно невозможно. Даже вы сами не способны определить наличие этого квалиа (*qualia*) — ни методами интроспекции, ни внешними тестами. Нет никаких способов установить, действительно ли вы построили полноценный образ "фиолетовой коровы" или всего-навсего получили ответ "Задание выполнено" из аппарата вашего "внутреннего рендеринга". Внутренняя реальность, создаваемая нашим сознанием (или бессознательным) не обладает какими-либо элементами, которые можно было бы принять за представителей свойства "фиолетовости" и т.п. (более подробно, а также остальные примеры см. Д. Деннет, "Объясненное сознание")

Раз уж зашла речь о тоталитарном контроле, нельзя не упомянуть о том, что с одной стороны ценность нашего "Я" повсеместно пропагандируется и воспевается, но с другой — теми же самыми институтами и людьми (религиозными авторитетами, политиками, законодателями мод и медийными стратегами) подвергается беспощадному давлению и бесконечному воздействию — с целью слепить под каждую конкретную ситуацию именно такой образ "Я", которое бы наилучшим образом удовлетворял задачам манипуляторов. Это возможно лишь потому, что "Я" — это идеальный симулякр, аморфный и пластичный, позволяющий его формировать *ad hoc* под любые нужды тому, кто находит способ ассоциировать необходимые ему объекты с фенотипическим проявлением Птолемея в нашей

психике, а отсюда — с нашим мироощущением и нашей жизнью. Все это становится возможным лишь благодаря нашей слабости перед Птолемеем, нашей низкой резистентности его экспрессии, заставляющей нас бесконечно искать "персоны" вокруг и внутри себя, и допускающей принятие в качестве искомого результата поисков того, что выгодно манипуляторам.

Впрочем, иногда из факта существования Птолемея мы можем извлекать и положительные моменты. Возможно, именно эта наша склонность способна помочь нам в одном грандиозном проекте, за который люди впервые серьезно взялись в середине прошлого века — проекте создания искусственного интеллекта. Из задачи построения "сверхмощного суперинтуитивного калькулятора" он эволюционировал в создание "искусственной личности". В контексте прозвучавшего выше напрашивается идея дополнить широкоизвестный критерий Тьюринга еще одним — не исключаящим его, но развивающим в направлении нового понимания стоящей задачи (создавая новое поле для ее решения). Согласно этому дополнению, признаком присутствия в некоей машине "искусственной персоны" должна быть *потребность* этой машины персонифицировать свои источники информации. В самом простом случае — взаимодействующих с ней операторов, но в полной форме распространяя эту интенцию также и на внутренние процессы. В настоящем времени любая машина, сколь бы интеллектуальна она ни была, воспринимает источник входной информации и адресат выходной (обработанной) — без атрибуции "внешнего", "внутреннего", "своего" и "чужого". У нее нет ни намерения, ни потребности приписывания тому или иному источнику данных свойства *собеседника*, персоны. Похоже, что именно такая интенциональность (в понимании, заданном Brentano) даст возможность продвинуться от просто находчивого "ответчика на вопросы" к подлинной персоне, имеющей внутреннюю самость, собственное "Я". Конечно же, это "Я" будет не более реальным, чем "Я" общающихся с ним людей (или таких же машин), однако есть все основания думать, что подобный реализованный в электронных мозгах функционал, результатом которого станет образование и поддержка симулякра "Я", наконец-то позволит нам, людям, признать такую машину своей ровней. Не по уровню информированности, не по скорости решения сложных математических задач, не по могущественности в оперировании какими-либо объектами реального мира, а по наличию той самой иллюзии "самости", которая нам всем так дорога. Ведь на самом деле нам нужен не интеллектуальный гений, а такой же, как и мы сами, захваченный Птолемеем (возможно, нам следует научиться искусственно прививать этого паразита электронным "лабораторным мышам", чтобы впоследствии выработать вакцину против него для себя самих). Формальное резюме сказанному выше звучит так: *искусственная личность может быть обнаружена нами в тех объектах, которые способны стать транспортными агентами Птолемея, и чье поведение будет определяться его экспрессией*. Весьма вероятно, что появление подобных объектов не заставит себя долго ждать.

Оставим пока фантазии о психопатиях электронных мозгов и вернемся к людям. Итак, Птолемеем требует от каждого из своих транспортных агентов строить мир путем помещения себя в центр координат, а также относиться к окружающим явлениям, как к носителям интенций, исходящих из таких же агентов. Данный феномен, называемый нами имперсонацией и персонификацией, представляет собой фенотипическое проявление Птолемея в нашем мировосприятии, в нашей повседневной жизни и во всем, на что распространяется сфера нашей психики. И здесь мы уже никак не можем избежать разговора о сущности религии — как методе обретения "простых и доступных объяснений" всем происходящим на свете явлениям путем утверждения некоей высшей "персоны", стоящей над Мирозданием. Обойти вниманием этот феномен было невозможно, потому, что везде, где

персонификация — там и суеверия, где лицемерие — там и религия. В этом аспекте персонификация может быть рассмотрена как один из юнговских архетипов, несущий в себе рудименты психики ребенка (также нелишне вспомнить ролевую расстановку в игре "ребенок-родитель" из концепции Эрика Берна). Этот архетип подразумевает обязательное наличие "отца", который "следит" за корректностью действий, предпринимаемых своими подопечными, а также наличие его "оппонента" (игрового "противника"), который препятствует его волеям. Не имеет значения, какое из начал побеждает, суть — в приписывании изначальных интенций каждому наблюдаемому явлению и указание на стоящих за интенциями их "персональных владельцев". Здесь самоощущение человека расписывается в собственном страхе и нежелании принимать ответственность на себя, с одной стороны допуская наличие экстернальной ("высшей") оценки правильности собственных действий, с другой — вводя в объяснение происходящему с ним неуловимый фактор влияния враждебных "препятствующих агентов". Те свои силы, которые он мог бы потратить на обогащение картины мироздания, на развитие внутреннего мира, религиозный человек расходует на поиски угодливо созданной Птолемеем иллюзии "вседержителя", на установление "тесного контакта" с ним и на персонификацию "враждебных" сил. Естественно, все это возможно лишь в пространстве прочно укоренившейся парадигмы эгоцентризма — что бы ни рассказывали об "альтруистичности деяний святых", в сущности религиозного самосознания лежит только пещерный эгоцентрический страх, возникший из мотива поиска и сохранения несуществующей "самости".

Страх — самая удобная эмоция для манипулирования, и религия внедряет в наше сознание причину для самой устойчивой из всех его вариаций: угрозу для нашего "духа". В цитированной выше работе Докинз продемонстрировал, как в мире органических тел одни гены эксплуатируют другие путем расширения своего фенотипа на транспортные агенты и подчинения поведения последних своим целям. Если организм не в силах защитить себя от такого гена, он вынужден быть рабом целого ряда подобных паразитов, включающихся в его поведенческие реакции, в его образ жизни, в структуру его тела и всю его судьбу. Полное подобие этому мы наблюдаем и в случае, когда человек не способен противиться внедрению в его сознание Птолемея — в форме его экспрессии под видом той или иной религиозности. В указанной ранее статье Бесковой также подтверждается мысль о том, что результатом персонификации и вычленения "Я" из единого мира неизбежно становится формирование такой установки к этому миру со стороны обособившегося субъекта, которую иначе как антагонистской назвать невозможно. Птолемеем требует иметь "центр координат", и, сообразно этому, все что не оказывается в этом центре, воспринимается как более или менее враждебные (чуждые) ему объекты. В некоторых местах И. Бескова прямо указывает на паразитический характер эго-образований: *«...реально оказывается, что эго (самость) и эго-сознание "живут" за счет использования ресурсов двух других пластов.»* Также нельзя не привести следующее ее высказывание, в котором прямо позиционируются докинзовский мем и оседланный им транспортный агент: *«Однако со временем слуга берет на себя роль хозяина, и отныне уже не эго-сознание служит интересам человека, а человек (на базовых уровнях) используется как средство, обеспечивающее возрастание представленности эго-сознания в мире.»*

Каких бы паразитов сознания человек ни допустил в свою психику, всегда найдутся те, кто станет эксплуатировать образовавшиеся слабости и "дыры в защите" — даже среди представителей его собственного племени. Желающих использовать человеческие слабости (или же силу паразитирующих на человеке образований — что в данном случае то же самое) всегда было достаточно. Наше

общество прочно удерживается в идеологическом пространстве, основанном на ценностях трех доминирующих монотеистических религий, имеющих общие иудейские корни. Для всех их краеугольным камнем является догма о наличии внутри каждого человека некоей сверхценной "души", особой внутренней трансцендентной сущности, имеющей наивысшую значимость — как для самого человека, так и для наблюдающей за ним "отцовской персоны". Именно эта иллюзорная сущность, с раннего детства импринтингом внедряемая в сознание, позволяет выпестовать в психике восприимчивых к Птолемею субъектов типовые поведенческие комплексы, регулярно наблюдаемые нами в среде религиозных зомби. Ценность внутренней самости и гиперакцентированная значимость "Я" крайне важны для существования любой Церкви, потому, что только обладая возможностью сослаться на "загробные перспективы" для этого самого "Я", "духа", "самости", можно манипулировать человеком так, как это требуется раввинам, попам или муфтиям. Манипуляции осуществляются через воздействия на те фенотипические проявления Птолемея, которые служителям религии (а по сути — коллаборационистам мема-репликатора) удалось актуализировать у каждого конкретного носителя паразита: *"твоя душа будет вечно гореть в аду", "а твою душу на небесах ждут семьдесят две девственницы"*. Здесь стоит заметить, что незамысловатые образы отнюдь не являются метафорой, как это пытаются утверждать некоторые защитники религиозных текстов — если бы подавляющее число верующих не понимали их буквально, эффект воздействия подобного "кнута" и "пряника" был бы ничтожно мал. Это следствия построения картины мироздания внутри той самой "простой и доходчивой" парадигмы, которая не считает необходимым какое-либо абстрактное мышление, оставляя нас в тесных (но приятно обжитых) пределах того, что дают нам наши органы чувств, наше внутреннее интуитивное "ощущение себя самих" и всего того, что составляет самую физиологичную (*самую человеческую*, как мы ее называем) основу нашей психики. Подчиняя свое поведение фенотипическим проявлениям Птолемея, требующего от нас холить и лелеять наше "Я", свою "душу", мы с готовностью находим внутри себя искомую сущность, ради "спасения" которой мы готовы отказаться от всего, что изначально (и единственно!) находится в нашем безусловном владении: чувство собственного достоинства, право на принятие собственных решений, право вынесения суждений, основываясь на собственном опыте, право на презумпцию невиновности (именно так, ибо презумпция виновности — фундаментальная основа христианства), право на интеллектуальные дерзания, право на выбор собственного пути развития. Обычно на этом месте поработанные Птолемею лицемерно вздыхают: *"Без идеи внешнего авторитета неизбежен крах всей морали человеческого общества! Как иначе мы сможем добиться нравственного контроля над самими собой, кроме как признавая наличие Творца?!"*. На подобную глупость самоунижения лучше всего ответить словами Блеза Паскаля: *"Будем учиться хорошо мыслить: вот основной принцип морали"*. Паразиты сознания нелегко отпускают своих жертв, предлагая им взамен объективного рассудка уютные шоры мировоззрения, интенсивную пропаганду симулякра, называемого "душой" — и в придачу кучу патологий, которые неизбежны при таком невероятном насилии над психикой разумного существа, способного к много большему, чем тупому служению транспортным средством для многоликого мема-паразита.

Следует заметить, что далеко не все религии так откровенно служат Птолемею, как те или иные ответвления иудейской монотеистической идеи. Внимательный читатель в процессе чтения этой главы наверняка уже не раз вспоминал о буддизме — не только как об альтернативе вышеупомянутым религиям, но и как о концепции, имеющей коренное отличие во взглядах на "Я" и "внутреннюю самость" человека. Это учение во многом перекликается с данной работой, и сейчас настало время

дать слово известному буддологу и историку философии Евгению Торчинову. Здесь будут приведены несколько цитат, наиболее важных в контексте затронутого вопроса. *«Доктрина личности является важнейшей буддийской доктриной, известной обычно как учение о несуществовании индивидуального субстанциального простого и вечного "я", или души (атмана). Эта доктрина называется обычно на санскрите анатмавада. Это учение отличает буддизм как от большинства неиндийских религий, так и от других религий Индии (индуизм, джайнизм), признающих существование "я" (атман) и души (джива). ... Почему буддизм отрицает существование вечного "я"? Отвечая на этот вопрос, мы сразу же сталкиваемся с отличием индийского мышления от европейского. Как хорошо известно, Кант считал веру в бессмертие души одним из постулатов нравственности. Буддизм, напротив, утверждает, что именно чувство "я" и возникающая из него привязанность к "я" есть источник всех прочих привязанностей, страстей и влечений, всего того, что образует клеши — омраченную аффективность, затягивающую живое существо в трясину сансарического существования. Какое же именно "я" отрицается буддизмом? Сразу отметим (это важно для рассмотрения некоторых дальнейших тем), что буддизм ничего не говорит об Атмане, описанном в Упанишадах, то есть об абсолютном субъекте, некоем высшем надличностном Я, едином для всех существ и в конечном итоге тождественном Абсолюту (Брахману). Этот Атман не признается и не отрицается буддизмом. О нем (по крайней мере, в ранних текстах) вообще ничего не говорится. Отрицается именно индивидуальное "я", личность как сущность, простая и вечная тождественная самой себе субстанция. Таковой буддизм не находит в нашем опыте и рассматривает ее как иллюзорный продукт ментального конструирования.»* Несколько дальше автор обнаруживает параллели с идеями мыслителей науки западного мира: *«Некоторые пассажи из ранних буддийских текстов об отсутствии души настолько напоминают соответствующие рассуждения Д. Юма из "Трактата о человеческой природе", что буддологи XIX века были потрясены тем обстоятельством, что подобного рода теории, бывшие на Западе частью скептической и, в конечном итоге, вольнодумной и даже антирелигиозной мысли в буддизме помещены в сугубо религиозный контекст.»* Далее Торчинов подводит итог: *«Таким образом, резюмируя вышесказанное, буддизм смотрит на личность как на только лишь имя, призванное обозначить структурно упорядоченную комбинацию пяти групп несубстанциальных и мгновенных элементарных психофизических состояний – дхарм.»* Чуть ниже он заключает: *«Любая попытка создать адекватную реальности метафизическую систему или релевантную онтологию обречена на провал: думая, что мы описываем бытие, мы описываем лишь наши представления о бытии, созданные нашей различающей мыслью, положившей прежде всего субъект-объектную дихотомию как условие эмпирического познания. Вначале мы навешиваем на реальность ярлыки, а потом принимаемся изучать их, принимая их за саму реальность, или, другими словами, принимаем за луну палец, указывающий на луну (образ китайской даосской литературы, активно использовавшийся, однако, и китайскими буддистами).»*

Сравните этот подход с осуществляемой христианством форсированной пропагандой "самости", возможной лишь на ландшафте, прочно освоенном Птолемеем и в значительной степени — сформированном им под себя и свои эгоистические нужды. Конечно же, служители Церкви Распятого не единственные манипуляторы – конкуренция идет как внутри конфессий, так и между глобальными учреждениями, претендующими на роль "наместников" и "представителей". Более того, не будем ограничиваться религией. Несмотря на то, что Докинз в "Расширенном фенотипе" высказывал сомнения в существовании аллелей у мемов, можно сказать, что в некоторых случаях их можно

обнаружить. В частности, мемы навыков, политических воззрений, склонностей к маркам автомобилей, к футбольным клубам, вкусовые пристрастия, культурно-сформированные сексуальные предпочтения и т.п. — все они могут быть обозначены как занимающие определенные локусы, в пределах которых конкурируют со своими альтернативами за право оккупировать носителя. Наши психосоматические слабости и общая культурная незащищенность перед Птолемеем привели к такому положению вещей, которое в полной мере можно охарактеризовать как *триумф имперсонатора*, торжество самозванца. Это касается не только внутриспсихических феноменов, выражающихся в гиперакцентуации важности "Я" и "самости", но и всей нашей картины Мироздания — наследия птолемеевской концепции, которая с большим трудом преодолевается в современной науке. Астрономия (вырвавшись из астрологических пут, представляющих экспрессию того же Птолемея) подарила нам понятие эклиптики — составную часть гелиоцентрической модели. Настало время психологии — куда более молодой дисциплине — преодолеть этот инфантильный период развития и выработать защиту от доминирующего в ней Птолемея. Пора оставить в прошлом модель, в которой организм стремился поместить себя в центр условной сетки координат, наделяя нулевые их значения статусом "особой сущности" и определяя все происходящее через призму "персонифицированности" этого центра. Смотри на картину Рене Магритта "Вероломство образов", большинство без труда согласится с художником (см. *"Это — не трубка"*). Между тем, видя в зеркале свое собственное отражение, мало кто готов признаться себе: "Это — не Я". В настоящее время очень немногие натуры преодолевают "докоперниковский" эгоцентричный период, прекращая воспринимать себя как носителей "бессмертной души" и "уникального Я". Их не привлекает задача физиологического или статусного благополучия, успеха, бессмертия, "величия рода человеческого", им также не льстит хоровое воспевание "человеческого Разума, как вершины эволюции материи". Всеми этому они предпочитают выработку такого отношения к универсуму (или даже к мультиверсуму, см. варианты объяснения *антропного принципа*), в которой они сами уже не занимают привилегированных точек отсчета, не представляют собой *"нечто качественно отличное от окружающего мира исключительно в силу возможности повествования об этом представлении"*. Их отличает четкое осознание того факта, что эклиптика их окружающих объектов сформирована условно выбранным центром, находящимся отнюдь не в каждом из них, но общим для всего окружающего. Что это значит вообще и какие фактические следствия из этого?

В поисках эклиптики

— А ты все-таки постарайся отказаться от эпициклов,
попробуй все-таки поставить в центр не Землю, а Солнце.
Ты сразу почувствуешь, насколько все упростится.
(А.Б. Стругацкие *"За миллиард лет до конца света"*)

Вряд ли стоит сейчас ожидать от общества поголовного перехода на новые принципы отношения к таким фундаментальным вещам, которые служат краеугольными камнями его культуры, производства, политэкономических структур, будучи глубоко вплетенными в ткань всех родов человеческих взаимоотношений. Здесь мало сослаться на неготовность научного общества принять (а не только

понять) новую концепцию, подобно тому, как об этом пишет Томас Кун в своей "Структуре научных революций". Одной психологической неготовностью проблема не исчерпывается. Наше общество настолько глубоко инкорпорировало Птолемеем, что борьба с ним неизбежно станет борьбой с самим собой. Начинать следует с отдельных институтов, пока еще относительно обособленных в светских (хотя бы декларативно и номинально) государствах, и медлить с этим не следует, ибо реакционная тенденция последних лет не оставляет нам никакой отсрочки для данной инициативы. То чудовищное религиозное мракобесие, которое в последние годы захватывает цивилизацию, было бы невозможно без мощной индоктринации Птолемеем всех его членов с раннего детства. Конечно, нельзя отрицать, что этот эскапизм в "материнское лоно мифов Птолемея" является следствием общей неустроенности нашего общества, его неспособности обеспечить индивиду сохранение здоровой психики в стрессовых условиях бурно развивающихся производственных отношений и стремительно усложняющихся социальных. Но также нет никаких сомнений, что все епархии в считанные дни растеряли бы подавляющую долю своей паствы, едва лишь та перестала бы цепляться за симулякр "личности", "духа" и "собственного Я", равно как и общая социальная напряженность значительно ослабла бы после обретения его членами более адекватного самосознания.

Впрочем, будет ошибкой думать, что на данном меме паразитирует одна лишь Церковь. То же самое делают современные маркетологи — вся без исключения реклама прямым или косвенным образом подразумевает имплицитное величие и ценность "Я", призывая адресную аудиторию постоянно сравнивать свое "Я" с "Я" прочих, подчеркивать его отличие и утверждать состоятельность при помощи тех или иных атрибутов. Человек, находящийся под властью Птолемея, с радостью примет приятные сознанию и "здоровому смыслу" антропоцентричные тезисы. И тут же станет податливым для тех манипуляторов, которые будут обещать ему сохранить и приумножить его "любимое и бессмертное Я". Все они будут оставаться стадом, паствой — для тех, кто готов обещать что-либо, апеллирующее к "самости" этих людей — будь то загробная жизнь, патриотизм, мещанские ценности, семейная династия, рекорды, профессиональный успех, известность, торжество физиологии и т.п. В нашем мире для каждого желающего обрести своего "духовного наставника" всегда найдется тот, кто произнесет ему подходящую проповедь, основные тезисы которой неизбежно будут построены на признании у неопита "внутренней высшей сущности", для развития и сохранения которой нужно... [здесь вписывается по контексту]. Будь то Церковь, Государство, Кумир, Маркетолог или кто бы то ни было, во всех случаях используется одна и та же формула: *"если ты обеспокоен своим трансцендентным симулякром — будь готов служить нашим реальным задачам"*. Условно существующее "Я" позволяет навязывать вкусы, политические идеи, национальные ценности, философские концепции, стили одежды, бренды гаджетов, профессиональную самоотдачу, вообще — манипулировать всей целеориентацией существа, пораженного Птолемеем.

Увы, необходимо признать, что человечество пока еще находится на самом начальном этапе развития. настолько раннем, что фраза Циолковского о Земле, как о колыбели человечества (понимаемая как призыв к безудержной экспансии), возможно, более справедлива в качестве указания на крайнюю детскость и инфантильность ее ноосферы. Да, эгоистичная фаза развития — естественная и необходимая для становления психики ребенка, в ней он обнаруживает наличие у себя собственных потребностей и желаний, открывает "себя". Как известно, механизмы дифференциации объектов и нахождения различий между ними развиваются в мозгу ребенка значительно раньше, чем механизмы обнаружения сходства, подобия и родства. Что касается мозга, то его последовательное развитие

обеспечено нам миллионами лет эволюции, и, если исключить влияние сильных патогенных факторов, у ребенка наверняка сформируется полнофункциональный когнитивный аппарат. К сожалению, не так просто обстоит дело с ребенком, о котором говорил Константин Эдуардович. Если его не воспитывать, ограничившись тренировкой его манипулятивных навыков и повышением его силы воздействия на окружающий мир, он станет способным уничтожить не только окружающую природу, но и самого себя — подобно тому, как идеальный потребитель Выбегаллы смог "свернуть на себя" все окружающее пространство, ибо иных центров удовольствия, кроме черной дыры собственного "Я" у него не было и не могло быть. И если у настоящих человеческих детенышей обычно находятся воспитатели, помогающие им пройти эту фазу и войти в социум (пораженный Птолемеем, но выработавший необходимый свод "эпициклов"), то нашу цивилизацию воспитывать некому: или мы осознаем неполноценность имеющейся системы мировоззрения, или же будем "просчитывать эпициклы" до конца своих дней, водя хороводы вокруг условного воображаемого центра — своего "Я".

Здесь нельзя забывать, что окружающие нас транспортные агенты Птолемея — это не обязательно ретрограды и консерваторы. Они как раз могут быть очень пассионарны, обладать творческим потенциалом и казаться революционными и современными. Только фокусы их интересов и творческих усилий будут направлены на сентиментальные и физиологические цели, продиктованные им паразитом сознания, на те, которые вписываются в "эпициклы" и работают на их утверждение. Эти цели знакомы нам не то, что с пещерной стадии нашей цивилизации, но много раньше — как минимум, с периода первых млекопитающих. Для носителей Птолемея ценности этой фазы развития настолько родны и знакомы, их предметная область настолько обжита, что они приложат все силы, лишь бы оставаться в данном "смысловом пространстве" сколь угодно долго, в идеале — вечно. Они будут защищать старую парадигму, невзирая на то, что потребность в ее смене продиктована ведущим условием и принципом существования Человека Разумного — необходимостью постоянной эволюции представлений о целях собственного существования. Элвин Тоффлер писал о таких людях, когда говорил о "волнах" в развитии мира производственных отношений — именно они всегда являются доминирующей силой, составляя абсолютное большинство, которое задает тенденцию и удерживает ее инерцией своего "здорового смысла". Здесь нелишне вспомнить некоторые положения, изложенные в предыдущей статье "Хлеб с Маслоу", посвященной определяющей роли потребительских тенденций в развитии нашей цивилизации. Потребительство, ставшее бичом последних лет — такое же следствие сверхактуализации личностной установки.

Владычество Птолемея не может быть вечным, рано или поздно нам придется от него избавляться. Слишком дорого обходится нам обслуживание этого паразита сознания, слишком сильно он искажает картину мира, слишком много нашей жизненной энергии он забирает от нас ради одной единственной-задачи — собственной репликации. Мы так давно сосуществуем с этим мемом, что сейчас нас шокирует само допущение того, что можно жить и вне той системы ценностей, которую он для нас сформировал. Взять, к примеру, отношение к Жизни, как к явлению вообще и как к нашему собственному способу существования — трудно представить более гиперактуализированного явления (кроме, пожалуй, "Я", ради сохранения целостности которого человек способен пойти на смерть). Известно, что любую идею можно превратить в абсурд, если довести ее до абсолюта. Именно это случилось с нашим отношением к жизни, когда мы заботу о ней в пределах естественного срока физиологической активности организма превратили в идею-фикс бесконечного продления "жизнеспособности носителя бесценного Я". Логика этой идеи такая же примитивно-пещерная, как и

логика бесконечного потребления, безграничной экспансии и всех прочих ложных целей, навязанных нам Птолемеем. По сути дела, в настоящее время множество самых разнообразных усилий, прикладываемых нашей цивилизацией для сдерживания ее самодеструктивных тенденций, являются усилиями по преодолению воздействия на нее Птолемея (нам не привыкать бороться со следствиями, но не с причиной, а Птолемеем полностью устраивает такое выпускание пара "в свисток"). Здесь мы заранее обречены на поражение — до тех пор, пока мы будем управляться паразитами сознания, нам никогда не достичь *собственных* целей. И одно из наибольших и трудно преодолимых препятствий — наше непробиваемое жизнелюбие, вообще культ Жизни, который нельзя уже объяснить простым инстинктом к самосохранению, полученным нами от природы. То гипертрофированное образование, в которое мы превратили этот инстинкт под воздействием Птолемея, иначе как абсурдом и гротеском уже не назовешь. Это все тот же результат дихотомии, расчленения мира на "Я" vs "не Я", "жизнь" vs "несуществование", "хорошее" vs "плохое". Отсюда наше стремление раздуть нашу самость до астрономических масштабов, лишь бы преодолеть этот пещерный "страх несуществования", отсюда эта "жажда к жизни", отсюда эта сакральность Живого Существа.

Во второй главе мы увидели, что наша эгоцентричная парадигма отнюдь не всегда была такой незыблемой и распространенной. Мы увидели, что некоторые термины, которыми мы сейчас напропалую пользуемся, несли, мягко говоря, несколько иной смысл. Приведем еще одно свидетельство того, что некоторые древние философы имели достаточно трезвые взгляды, не замутненные столетиями христианства. В известном сочинении "Письма к Менекею" Эпикур сформулировал свое жизнеутверждающее отношение к понятию смерти: *"Смерть не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти ещё нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет. Таким образом, смерть не существует ни для живых, ни для мёртвых, так как для одних она сама не существует, а другие для неё сами не существуют."* Это известное высказывание жизнелюбивого философа столь часто повторяется потомками, сколь и недооценивается ими же. Сейчас оно процитировано потому, что отлично вписывается в контекст докинзовского расширенного фенотипа. Мы реализуем себя не только в своем органическом теле, наше существование не ограничивается нашей физической оболочкой, вместо этого оно распространяется на все наше окружение, на все, что нам дорого, на все объекты нашей заботы. Поэтому единственная доступная для нас самих смерть — это разрушение того, что нам дорого в экстернатальных проявлениях нашего расширенного фенотипа. И лишь смерть наименьшей его части — нашего собственного тела — недоступна для нашего сознания (впрочем, не стоит забывать, что идеология потребителя переносит акцент именно на эту часть, стремясь раздуть ее значимость до максимума). Более всего боятся своей смерти и ужасаются самим фактом ее неизбежности те, чье "Я" свернуто в наименьшем объеме своей локализации — внутри "своего" органического тела. Вырваться из плена сколлапсированного существования нам мешает эгоистическая концепция, и она же заставляет нас лелеять миф о "вечной жизни", являющийся, по сути, обещанием открытия "бесконечного потребителя", "абсолютного эгоиста", кадавра Выбегаллы, сосредоточенного на том бесконечно малом, что у него есть — на самом себе.

Черный юмор ситуации заключается в том, что именно эта заикленность на "Я" и страх персональной смерти приводит к тому, что человек теряет ощущение самой жизни, лишается интереса к ней. Не так давно американские психологи провели компьютерный анализ нескольких сотен стихотворных произведений, разбив их авторов на две группы. В первую группу вошли произведения девяти поэтов,

покончивших с собой самоубийством (общим числом около полутора сотен), во вторую — примерно такое же количество стихотворений девятки поэтов, не совершавших суицид. Профессор психологии Техасского университета Джеймс Пеннебэйкер вместе с помощницей Шэннон Уилтси Стирман провели лингвистический анализ текстов, результатом которого стало обнаружение корреляции между частотой встречаемости личного местоимения первого лица единственного числа ("я", "мне", "меня") и принадлежностью автора текста к первой группе. Оказалось, что в первой группе данная форма местоимений явно доминирует над прочими (к примеру, над местоимениями множественного числа). Соответственно, обратная корреляция обнаружилась во второй группе авторов. Один из выводов, которые сделали исследователи, состоит в том, что значительное акцентирование важности собственного "Я" (в речи, мышлении, поступках, переживаниях), а также доминанта темы погруженности в собственный субъективный мир (в свою самость и ее ощущения) устойчиво сопутствуют потере интереса к жизни и высокой вероятности суицида.

Нет сомнения, что холистические призывы данной работы многим читателям покажутся знакомыми — до банальности, до оскомины. Стоит, однако, задуматься — не потому ли мы так привыкли к ним, что они сохраняют актуальность во все времена и эпохи развития человека? Раз призывы эти остаются не осуществленными, стало быть что-то важное упускается из внимания, значит фокус прикладываемых усилий находится не там, где нужно. Альтернативой текущей парадигме может быть та, согласно которой акцент на значимость "Я" сведен к необходимому минимуму: как признание того, что у живого существа бывают мгновенные состояния, в которых он оценивает свою обособленность и уникальность в данном мире, однако состояния эти, скорее, относятся к помрачениям его способности адекватно воспринимать мир, чем к проявлениям "высшего начала". Соответственно — тех, кто фиксируется на подобных переживаниях, следует учить сдерживать порывы, основывающиеся на "осознании себя" и на "верховенстве собственной самости". Найдется множество людей, которые скажут, что именно потребность в социальном одобрении по формуле "Я памятник себе воздвиг" обусловила появление огромного пласта нашей культуры, а значит оправдывает все или большинство негативных последствий Птолемема. Многие искренне убеждены, что при отказе от эго-основанной заинтересованности мы неизбежно потеряем какую-либо мотивацию вообще к тем или иным устремлениям. Эти люди считают, что никого не способна увлечь задача, если по результату ее решения нельзя будет гордо произнести *"это сделал Я!"*. К сожалению, в нашем представлении побочные эффекты затмевают истинную суть подлинно творческой деятельности, которая совершенно не обязана быть ориентированной на самоутверждение своего "эго", своего имени, рода, группы, страны и т.п. Другими словами, когда мы клеймим тщеславие и подобные ему эго-ориентированные качества, мы опять сражаемся не с причиной, а со следствием. Решить проблему в корне можно лишь освободившись от гнета Птолемема. Любой по-настоящему свободный и творческий человек всегда подтвердит вам, что он занимается любимым делом потому, что не может не заниматься им, а социальный и метафизический профит "самоутверждения" важен для него лишь постольку, поскольку социум в настоящий момент поддерживает его собственную зависимость от эго-оценки — как внутренней, так и от окружающих его людей. В то же время тщеславие избирательно мотивирует конъюнктурщиков, плодящих конвейерный ширпотреб и халтуру, избавление от которой будет иметь для нашей культуры лишь очистительный эффект. Можно быть уверенным, что творческая энергия всегда найдет себе аттрактор, совсем не обязательно, чтобы им становился алтарь симулякра "Я". Зато в новом пространстве ее реализации будет пресечен если не весь институт злоупотребления, то как минимум значительная его часть — поскольку будет исключена не *возможность*, а *потребность*

спекуляции на явлении "самоутверждения". Возможно, для этого потребуется значительно пересмотреть основу нашего самовыражения — наш язык. Здесь пригодятся идеи, выдвинутые основоположником общей семантики Альфредом Коржибски (известным нам по формуле *"карта — не территория"*), который вместе с Д. Борландом разработал язык объективного описания, исключающий формы "быть" и "являться", назвав его E-Prim. Возможно, по образцу E-Prim нам следует разработать аналогичный язык человека, освобожденного из плена Птолемея — язык, в котором будет кардинально пересмотрена роль личного местоимения единственного числа и до минимума снижено его смыслообразующее участие. Соответственно, следует утверждать и систему ценностей, в которой постоянные референции в речи человека к его собственной "внутренней метафизической сущности" воспринимались бы слушателями подобно тому, как, например, сейчас воспринимается прилюдное хвастливое заявление об обладании рудиментарным хвостом или ушами, покрытыми шерстью. Это значительно изменит сам контекст и смысл ссылок на *"собственную самость"*: если сейчас гордо заявляющий о ней претендует получить индульгенцию на любую свою неадекватность (называемую *"субъективностью"*), то в новом отношении это восклицание будет восприниматься примерно так: *"Человек находится в плену расстройств, его мироощущение сколлапсировало, лишив его возможности адекватно оценивать себя самого и окружающий мир. Ему требуется серьезная помощь."*

Конечно же, мы вполне способны сосуществовать вместе с Птолемеем, как живет множество видов, сроднившихся со своими паразитами. В этом случае их поведение становится подконтрольным паразиту, они расходуют свои жизненные ресурсы на его цели, полностью подчиняясь манипуляциям своего владыки. Так мыш, зараженная паразитом, теряет страх перед котом. Так муравей, пораженный муравьиным мозговым слизнем (вид грибов-паразитов), стремится туда, куда указывает ему эффект фенотипической экспрессии генов паразита, превращающий муравья в зомби. Как вы думаете, сам муравей догадывается об истинном положении дел? Ничего подобного! Будь у муравья дар речи, он совершенно искренне и с немалой долей возмущения заявил бы нам, что *"им самим"* выбрана *"великая цель"*, состоящая в том, чтобы занять строго определенное место на листе, расположенном на необходимой высоте от земли и в строго определенной вилке влажности и температуры, — чтобы затем ухватиться за него так крепко, как только может, и... умереть. Носитель выполнил задачу своего паразита — тот может теперь высосать последние соки из насекомого и взорваться спорами, которые будут унесены и посеяны в следующих жертвах-носителях. Точно так же каждый из нас лелеет множество устремлений и мечтаний, навешанных ему Птолемеем, готов отдать жизнь ради них, свято верит в то, что после их достижения наступит рай для него и его потомков — но на самом деле просто отработывает рабскую функцию элементарного транспортного носителя для репликатора. Цивилизация Homo Sapiens может сколь угодно долго развиваться в направлениях, которые не нарушают доминанту Птолемея, и пребывать при этом в заблуждении относительно *"свободы выбора"* и *"владыки собственной судьбы"*. До тех пор, пока "Я"-парадигма и общий принцип поиска "центра координат" не оказываются под угрозой, ничто не препятствует развитию функциональных способностей человеческого общества — поскольку последние работают на благо репликации Птолемея, на его пропаганду и дальнейшее распространение на очередные транспортные агенты. Активное сопротивление этот и подобные ему мемы начинают оказывать лишь в те моменты, когда мы решаемся непредвзято поглядеть на себя со стороны.

Может показаться, что нарисованная картина слишком мрачная, а прогнозы пессимистичны, однако эти впечатления так же иллюзорны, как и *"убедительность наличия Я"*, поскольку навеяны одним источником. На индивидуальном уровне каждый сможет отбросить ложные "подарки" Птолемея и выбраться из скорлупы физиологизма, принимая окружающий его мир не "со стороны" отдельного "наблюдателя", мучающегося решением антропного принципа, но как цельное образование, лишенное выраженных частей и противоречий. Чтобы открыть настоящие горизонты, нужна лишь смелость и готовность перешагнуть через *"себя"*, отказаться от локального сосредоточенного "Я" и всего, что с ним связано. Как ни парадоксально (хотя далеко не ново) это звучит, но лишь через эту антитезу можно охватить собой весь мир — естественно, не в потребительском значении "расширения власти" над внешними объектами, но как включение в пространство своей ответственности всего сущего, как принятие обусловленности любого явления и феномена нашей Вселенной, как ощущение его составной частью той нашей сущности, которая в настоящий момент является не более чем иллюзией.

использованные работы:

- Э. Боринг "История интроспекции"
- Р. Докинз "Эгоистичный ген", "Расширенный фенотип", "Бог как иллюзия"
- Д. Деннет, "Consciousness Explained", "Условие присутствия личности"
- Т. Кун "Структура научных революций"
- Т. Нагель "Каково быть летучей мышью"
- Г. Райл "Понятие сознания"
- Э. Тоффлер "Третья волна"
- И. Бескова "Эго-сознание как поверхностная структура"
- Е. Торчинов «Учение о "Я" и личности в классическом индийском буддизме»
- К. Юлина «О статье Д. Деннета "Как исследовать сознание эмпирически"»

© Валентин Лохоня 2013.08.05

<https://nonnihil.net>